

Новый выпуск словаря содержит окончание буквы *L* и начало *Ł*. Работа насыщена большим лексическим материалом, привлечены новые публикации по лексикографии других славянских языков, например белорусские диалектные словари Белькевича (могилевский) и Сцяшковиц (гродненский), а также по этимологии (новый английский этимологический словарь Клейна, книга Станга о славяно-балто-германских лексических соответствиях).

По-прежнему чувствуется стремление автора к избыточной этимологической информации, даже если речь идет об относительно свежих иностранных заимствованиях в польском и других славянских языках (таких иностранных слов немало в рецензируемом выпуске: *lokalizacja*, *lokalizować*, *lokator*). В этимологическом отношении большинство статей выпуска представляют собой критическое аннотирование и реферирование уже известных в науке этимологий. Насколько нам известно, впервые в своем словаре Славский прибег в настоящем выпуске к реконструкции как к заглавному слову словарной статьи: \**lucień* 'февраль' (стр. 362). Это практикуется время от времени в других этимологических словарях славянских языков.

Как и при обсуждении предыдущих частей словаря Славского, при рецензировании нового выпуска 19-го наше внимание привлекает, пожалуй, не столько этимология и этимологический анализ, сколько вспомогательные аксессуары этимологического исследования и лексикографии: словарная трактовка словообразовательно-этимологических групп и других разрядов лексики, направление словообразовательных процессов и адекватное освещение их в словаре. Считаю эти проблемы наиболее актуальными, мы предпочли остановиться именно на них, опуская в своей рецензии подробную критику некоторых (правда, немногих) уязвимых моментов другого характера (например, на стр. 397 диал. *łaba* 'лапа' прямо определяется как вариант *łara*, вопреки недвусмысленному свидетельству лингвистической географии — Спеш, Силезия, а также словацкие и западноукраинские (лемковские) диалекты, — которое заставляет искать связей в направлении венг. *láb* 'нога', как это и предполагалось раньше, а теперь может быть осмыслено в духе новых исследований карпатского языкового ареала).

Что касается словарной трактовки словообразовательных связей Славским, то можно отметить, что некоторые статьи выпуска носят своеобразный псевдогнездовой характер. Так, в статье о слове *lodownia* 'ледник, погреб со льдом для хранения продовольствия' (стр. 322) дается не только обзор соответствий этому польскому слову с констатацией в итоге севернославянского \**ledovnja* 'помещение для льда', производного от праслав. \**ledovъ* 'ледовый', но также — уже избыточно — дается обзор славянских продолжений этого последнего, с указанием исходной формы \**ledъ*. Далее, в этой же статье *lodownia* обстоятельно освещается непосредственно с заглавным словом не связанное, самостоятельное производное от *lodowy* — *łodówka* и все его соответствия. Вслед за этим помещена сугубо отсылочная статья *łodowy*, *łodówka* см. *lodownia*. При всех своих недостатках, гнездовой способ расположения словарного материала имеет свои правила, оправдывающие его применение в лексикографии. Из них важнейшим является помещение производящего слова в качестве заглавного слова гнездовой словарной статьи и соответственно производных слов — в качестве отсылочных словарных позиций. Наблюдаемая нами на этот раз лексикографическая практика, кажется окончательно лишает всякого смысла упомянутый гнездовой способ, к тому же, вообще не характерный для словаря Славского с его четко расчлененным словником.

В еще более затруднительное положение попадает автор, когда пытается однозначно охарактеризовать направление словопроизводного процесса, начало которого в действительности далеко выходит за рамки собственно славянского и там, в праиндоевропейской древности, также остается довольно двусмысленным. Так, на стр. 353 читаем, что праслав. *\*ljubiti* 'любить' — отыменное производное от праслав. *\*ljubъ* (эту точку зрения автор продолжает вслед за Бернекером, Мейе, Фасмером и др.). На стр. 361 праслав. *\*ljubъ* 'милый, любимый' возводится к и.-е. *\*leubhos* то же, которое, в свою очередь, производится от и.-е. *\*leubh-* 'любить', т. е. глагольной основы: др.-инд. *lūbhyaṭi* 'желает, жаждет', лат. *libet, lubet* '(мне) нравится, угодно', что также в общем отражает мнение ряда ученых, перечень имен которых прилагается. Правильна ли эта ретроспективная характеристика данной глагольно-именной пары или, может быть, здесь создался своеобразный порочный круг (глагол ← имя ← глагол)? Ведь типологически вполне допустимо, что парные отношения вроде *\*l'ubъ — \*l'ubiti* старше собственно славянского языкового состояния. Это вероятно как со стороны семантики парных значений 'милый, любимый' — 'любить', так и со стороны формы, потому что ничто не мешает нам видеть в формальных отношениях праслав. *\*l'ubъ — \*l'ubiti* наследие индоевропейских отношений *\*leubhos — \*leubheje-*. О том же говорят такие факты как лат. *libidō, libidō/-inis* ж. р. 'жажда, желание, охота', свидетельствующее о существовании и.-е. *\*lubhejō/\*leubhejō* 'любить, желать' с глагольной основой на *-eǵ/-ī-*, ср. лат. *cupidō/-inis* ж. р. 'желание, жажда', *cupiō, cupivī, cupitum* 'желать (страстно)' < *\*kupī-*. Ср. Walde — Hofmann I, 793 (ссылка на который, кстати сказать, отсутствует в соответствующих статьях словаря Славского).

О. Н. Трубачев